

Безотцовщина лет четырнадцати-пятнадцати, он целыми днями таскался с шайкой таких же оборванцев, босой, словно чертёнок, творил что хотел — воровал, хулиганил.

Многие сами видели, как он с друзьями перехватывал Хэ Бяня у подножия горы и вычищал из его корзины всё — грибы, ягоды, дичь.

А Тан Тяньцзяо была из тех матерей, что слепо защищают своего ребёнка — вот и теперь, похоже, нацелилась на Хэ Бяня.

Не дав ей даже возразить, Хэ Бянь продолжил, не сводя с неё взгляда:

«Ваш Тан Гуй всего в четырнадцать лет уже подглядывал за второй тёткой Чжан в сарае!»

Тан Тяньцзяо вспыхнула от ярости:

«Что ты за чепуху несёшь!»

Вторач тётка Чжан вздрогнула от неожиданности, лицо её стало неловким и постепенно налилось краской. А Хэ Бянь, глядя прямо на неё, сказал:

«Тётка Чжан, вы и сами всё прекрасно знаете. Я ещё знаю, что Тан Гуй украл у тётушки Тан деньги — десять вэнь, спрятанные под подушкой, тридцать вэнь из мышиной норы у ножки кровати и сорок вэнь из деревянного ящичка в туалете — и отдал вам, чтобы вы молчали».

Стоило этим словам прозвучать, как все пришедшие с изумлением уставились на тётку Чжан и Тан Тяньцзяо. Та, потрясённая и разгневанная, вскрикнула:

«Откуда ты знаешь, где я прятала деньги?!»

Деньги у неё и вправду пропали — она наказала всех сыновей, заставила их стоять на коленях и избила, но так и не нашла виновного. Теперь же подозрение пало на Хэ Бяня.

Кто-то сначала удивился, а затем предположил:

«Наверное, Тан Гуй сам тебе рассказал... хотя нет, он бы не стал».

Но Тан Тяньцзяо в это не верила.

Не обращая внимания на их догадки, Хэ Бянь вновь повернулся к тётке Чжан, чьё лицо уже стало багровым от растерянности:

«Вы сейчас думаете, откуда я это знаю, да? Но я знаю не только это. Я знаю, что сейчас к вам домой пришли люди — родственники из вашей родной деревни. Они скажут, что ваш брат, рубя дрова, сорвался с обрыва, и позовут вашего сына и мужа идти в горы его искать».

Это уже звучало по-настоящему жутко.

Его предыдущие слова ещё можно было списать на слухи, но это... ведь это ещё не произошло. Неужели он и вправду умеет предсказывать?

Тётка Чжан не поверила, но увидела удобный повод уйти — и, прихрамывая, поспешно выбежала из двора.

Тогда Хэ Бянь обратился к Тан Тяньцзяо:

«Я даже могу сказать, что когда ваш муж уезжал на работу, он обещал вернуться и купить вам серебряную шпильку — с резными цветами персика».

Если раньше Тан Тяньцзяо ещё кипела от гнева и сомнений, то теперь её разум словно оцепенел от потрясения. Это были их личные слова — знали о них только небо, земля и она сама. Откуда мог узнать Хэ Бянь?!

Раззадоренный, он уже не сдерживался и говорил всё подряд. Но когда окружающие окончательно растерялись и утратили прежний напор, разум вновь взял верх, и он сказал:

«Я сам только что об этом узнал. Тянь Ваньсин не только мать ударил до обморока, но и меня тоже. Он слишком дерзок и беззаконен, разгневал Небо. Предки нашего рода отправились к Небесному владыке с жалобой, и тот, взглянув на деревню Тяньцзя, увидел, что здесь нет ни одного разумного человека. Тогда он позволил мне обрести связь с духами — чтобы предки рода Тянь могли вселиться в меня, чтобы я знал прошлое и видел будущее и помог вам обрести разум и избежать бед».

В их династии существовали государственные наставники, способные призывать ветер и дождь и варить эликсиры бессмертия. Простые люди испытывали благоговейный страх перед сверхъестественным: и на заработки, и на свадьбы, и на похороны — всё делали, сверяясь с датами. В деревне Тяньцзя было так же. Но никто не верил, что такой неприметный Хэ Бянь вдруг обретёт подобные силы.

Стоявшая в стороне тётка Тянь Саньня, наблюдавшая за всем, сказала:

«Если у тебя и правда есть такие способности, скажи, когда я наконец рожу сына?»

Хэ Бянь ответил:

«Ребёнок, которого ты сейчас носишь, и есть сын».

Тан Тяньцзяо посмотрела на её плоский живот — ведь совсем недавно они вместе ходили в горы рубить дрова.

«Да она вовсе не беременна. Уже пятерых девочек родила — какой ещё сын?»

В другое время такие слова обязательно вызвали бы ссору, но сейчас тётка Тянь Саньня просто оцепенела.

Её игривое выражение лица мгновенно исчезло, сменившись искажённым, потрясённым.

Только вчера она ходила в уездный город и узнала, что беременна. Срок был меньше трёх месяцев, поэтому она никому не сказала — ни свекрови, ни мужу, который сейчас был на работах.

Остальные, увидев её реакцию, поняли, что Хэ Бянь попал в точку. Лицо ещё одной женщины изменилось — и она, не желая сдаваться, стала задавать ему вопросы о вещах, известных только ей. Но Хэ Бянь и на них ответил безошибочно.

«Это... это ведь всё правда...»

Женщины переглядывались, ошеломлённые.

Теперь они смотрели на Хэ Бяня с благоговейным страхом, какого раньше не испытывали.

Некоторые даже невольно отступили на несколько шагов, словно боялись подойти к нему слишком близко.

Особенно после того, как вторая

тётка Чжан вернулась, спешно ведя за собой двоих родственников из родной деревни. Она была бледна как полотно, словно потеряла душу от страха, и, подбежав, взмолилась:

«Хэ Бянь, прошу тебя, скажи — с какого обрыва упал мой брат? Он... он ещё жив?»

Хэ Бянь в прошлой жизни знал, что тот погиб, и даже примерно представлял место. Но сказать этого он не мог.

Стоит ему открыть эту дверь — и люди из других деревень тоже начнут приходить с вопросами. Как он тогда будет выкручиваться?

Он с серьёзным видом ответил:

«Мои способности предвидения даны мне предками рода Тянь. Они ведают лишь судьбами людей из деревни Тяньцзя. Про чужих им ничего не известно».

Услышав это, Тан Тяньцзяо и остальные снова содрогнулись: выходит, даже дело тётки Чжан он действительно предсказал.

Теперь никто уже не смел смотреть на Хэ Бяня прямо — он казался им таинственным и непостижимым. Будто за его спиной и вправду стояли предки рода Тянь, и от этого он вдруг стал чужим, далёким и пугающим.

Люди невольно начали относиться к нему с почтением.

Не зря ведь семья учёного Чжана из соседней деревни сваталась к такому худому и некрасивому Хэ Бяню — выходит, у него действительно благоприятная судьба, он — счастливое знамение.

Такое сокровище, а их собственная деревня его не ценила — позволила людям из другой деревни заметить и оценить его.

Впрочем, и винить их было трудно: они ведь не видели мира и не знали настоящих мастеров, в отличие от семьи учёного Чжана, чьи предки были состоятельны и многое повидали.

Когда тётка Чжан снова поспешно ушла, Хэ Бянь немного подумал и наставительно сказал оставшимся троим:

«То, что я сейчас сказал про тётку Чжан и Тан Гуя, — предки называют семейным позором. Не стоит это разглашать. Иначе и ваши тайные дела станут известны всей деревне».

У Тан Тяньцзяо, в общем-то, не было тайн, которых стоило бы стыдиться, но раз дело касалось её сына, она всей душой надеялась, что остальные двое будут держать язык за зубами. Те же, напротив, мгновенно побледнели, почувствовали неловкость и поспешно закивали:

«Не скажем, не скажем».

Хэ Бянь произнёс:

«Тётушка, раз вам так жалко мою мать, помогите её обмыть».

Тан Тяньцзяо было противно до крайности, но странная, пугающая аура Хэ Бяня заставляла её чувствовать страх. Зажав нос, она всё же кивнула.

Она уже собиралась поднять Чжан Мэйлинь, как во двор внезапно вбежал Тянь Ваньсин. До этого он швырял камни у реки, выплёскивая злость, но, встретив тётку Чжан, услышал от неё, что его мать потеряла сознание, и в панике поспешил домой.

Едва переступив порог, он увидел Чжан Мэйлинь, лежащую на земле, измазанную зловонной грязью. Он всегда любил чистоту и порядок — зрелище оказалось для него невыносимым, и его тут же вырвало.

Увидев, что Ваньсин вернулся, Тан Тяньцзяо сразу отстранилась от Чжан Мэйлинь и сказала ему:

«Ну и вырос ты, Ваньсин! Утром — распутство, днём — сначала брата до обморока довёл, потом мать! Я-то думала, ты просто избалованный, а ты, оказывается, злой и жестокий до самой души».

Лицо Тянь Ваньсина то краснело, то бледнело. Он поспешно оправдывался:

«Я... я только по неосторожности дал матери пощёчину. Когда я уходил, с ней всё было в порядке!»

Выходит... она и правда потеряла сознание...

До этого Тан Тяньцзяо ещё сомневалась в словах Хэ Бяня, но теперь окончательно поверила.

С детства она слышала немало рассказов: кто-то заблудился в горах и вернулся помешанным, кого-то после обморока словно "озарило", и он стал известным провидцем.

Слова Тянь Ваньсина ещё больше поразили остальных: ударить мать, довести её до обморока — такого беззакония и неслыханного непочтения они не могли припомнить.

Увидев мать, покрытую нечистотами, Ваньсин вспыхнул от ярости — он был уверен, что это сделал Хэ Бянь. Он уже собирался закричать на него, как вдруг услышал:

«Вообще-то... - Хэ Бянь вздохнул, обращаясь к тётушкам, - младший брат, увидев мать в таком состоянии, даже подойти к ней боится от отвращения, и не собирается раскаяться. Раз так, мне нет нужды прикрывать его. Он не только ударил мать — это он вылил на неё нечистоты и ещё ударил палкой по затылку».

Лицо Тянь Ваньсина исказилось от потрясения, затем он зло рассмеялся:

«Ах вот ты как! Перестал притворяться? Теперь ещё и на меня клеветнешь! Это же ты всё сделал! Думаешь, если прикидываешься честным, тётушки тебе поверят?!»

Он кричал, но вдруг заметил, что все трое смотрят на него с потрясением. Ваньсин даже почувствовал самодовольство — сейчас-то они увидят истинное лицо Хэ Бяня. К тому же Тан Тяньцзяо хоть и ворчала на него при каждой встрече, он знал: в душе она его жалеет.

Хэ Бянь просчитался, если решил всех обмануть!

Но Тан Тяньцзяо лишь покачала головой, полная разочарования:

«Ваньсин, я думала, ты просто капризный... а ты, оказывается, до такой степени испорчен. Ударить мать, облить её нечистотами, бить по голове... ты хуже зверя».

Тянь Саньня, прижав руки к животу, отступила от него ещё дальше. Она пришла просто посмотреть, но теперь в её сердце остыл холод:

«Если у меня родится такой сын, лучше уж сразу умереть».

Тянь Ваньсин опешил:

«Вы все обмануты! Это Хэ Бянь сделал! Он меня оговаривает!»

Но Тан Тяньцзяо, Тянь Саньня и остальные лишь смотрели на него с осуждением, не говоря ни слова. В их взглядах он был виновником ужасного греха.

Ваньсин задыхался от злости и обиды — впервые он испытал, каково это, когда невозможно оправдаться. Схватив с земли палку, он бросился на Хэ Бяня.

Тот стоял неподвижно — и даже улыбнулся.

Ваньсин не понял этого и только сильнее разъярился, желая ударить его.

Но стоило ему замахнуться, как Тан Тяньцзяо и остальные в панике заслонили Хэ Бяня собой!

«Да ты совсем с ума сошёл!» - закричала Тан Тяньцзяо. «До такой степени испортился, что даже Хэ Бяня, которого предки защищают, осмелился ударить!»

Тянь Саньня тоже испугалась, особенно за ребёнка в своём животе, и закричала:

«Проклятый! Если хочешь умереть — иди умирай где-нибудь подальше! Не вздумай навлечь гнев предков на всю деревню — я тебе этого не прощу!»

Тянь Ваньсин стоял в полном смятении, словно оглушённый. Он не понимал — что происходит? Лица, ещё недавно тёплые и заботливые, теперь были строгими и чужими. Разве не они всегда его жалели? Не они ли хвалили его — красивого и способного юношу, уверяя, что он непременно удачно выйдет замуж?

Почему же теперь все встали на сторону Хэ Бяня?

Что он им такого наговорил?

В этот момент Чжан Мэйлинь, до сих пор лежавшая без сознания, медленно пришла в себя. Затылок ныл от боли, она глубоко вдохнула — и тут же застыла, широко распахнув глаза: что за ужасная вонь?

Не успела она даже толком понять, что происходит, как её уже окружили, наперебой заговорив:

«Ой, очнулась наконец! Твой Тянь Ваньсин совсем распоясался — палкой тебя по голове бил!»

Тан Тяньцзяо добавила:

«Да тебе, можно сказать, редкая "удача" выпала. Второго такого, как твой Ваньсин, не сыщешь: и пощёчину тебе дал, и по затылку ударил, да ещё и облил нечистотами с ног до головы. Такую "долю" ещё поискать!»

«Точно! Ещё и помоями тебя облил! Ой-ой, гляди, у тебя там личинки к вороту ползут!»

Голова у Чжан Мэйлинь и без того гудела, она ещё ничего не вспомнила, но слова окружающих словно сложились в страшную картину. Лицо её налилось тёмной яростью. Она подняла руку — и почувствовала липкую жижу.

Она так и не решилась открыть глаза — снова зажмурилась... и потеряла сознание.

«Ай-яй, опять в обморок!» - воскликнула Тан Тяньцзяо.

«Да её от вони свалило» - возразила Тянь Саньня.

Остальные подхватили:

«Всё из-за Тянь Ваньсина!»

«Точно! За всю историю рода не было такого выроodka. Даже Расскажи — не поверят, что можно быть таким жестоким и неблагодарным».

У Ваньсина зубы стучали от злости. Он переводил взгляд с лица на лицо — и не узнавал их.

Всего на четверть часа вышел... а вернулся — словно в другой мир. Всё стало чужим, странным, неподконтрольным, пугающим.

Неужели у реки его околдовали духи? Может, это вовсе не его дом, а логово нечисти?

Или он просто видит кошмар?

Он резко ударил себя по щеке.

Жгучая боль.

Не сон.

Но всё вокруг было таким чужим и невыносимым, что он потерял равновесие и, споткнувшись, рухнул прямо в лужу нечистот.

«А-а-а!» - вскрикнул он в ярости. «Думаете, раз у нас в доме нет мужчины, можно так издеваться над моей матерью?! Вот вернётся отец — тогда посмотрим!»

<http://bllate.org/book/17226/1612750>